

Петров П. К.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 258 УК РФ, – НЕЗАКОННАЯ ОХОТА

Аннотация. Современная уголовно-правовая политика Российской Федерации уделяет значительное внимание охране окружающей среды, в том числе защите животного мира от незаконного истребления. Одним из ключевых инструментов в этой сфере является ст. 258 УК РФ, предусматривающая ответственность за незаконную охоту. Однако правоприменительная практика сталкивается с существенными сложностями при квалификации данного преступления, обусловленными как неоднозначностью законодательных формулировок, так и практическими аспектами правоприменения. В связи с этим анализ проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, приобретает особую актуальность, поскольку от точности и единообразия толкования данной статьи зависит результативность противодействия незаконной добыче животных и обеспечение экологического баланса.

Ключевые слова: охрана окружающей среды, незаконная охота, незаконная добыча животных, экологические преступления

Для цитирования: Петров П. К. Проблемы квалификации преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, — незаконная охота // Проблемы права. 2025. № 2(98). С. 87–92.

Petrov P. K.

PROBLEMS OF QUALIFICATION OF THE OFFENCE STIPULATED BY ART. 258 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION – ILLEGAL HUNTING

Abstract. Modern criminal-legal policy of the Russian Federation pays considerable attention to environmental protection, including the protection of fauna from illegal extermination. One of the key instruments in this sphere is Article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation, which provides for liability for illegal hunting. However, law enforcement practice faces significant difficulties in the qualification of this offence due to both ambiguity of legislative formulations and practical aspects of law enforcement. In this connection, the analysis of problems of qualification of the offence provided by article 258 of the Criminal Code of the Russian Federation acquires special urgency, since the effectiveness of counteraction to illegal extraction of animals and provision of ecological balance depends on the accuracy and uniformity of interpretation of this article.

Keywords: environmental protection, illegal hunting, illegal extraction of animals, environmental offences.

На сегодняшний день существует правовая неопределенность в квалификации деяний, связанных с незаконной добычей животных. Правоприменительная практика свидетельствует о системном смещении

уголовно-правовых и административных деликтов в сфере охоты, порождающем две взаимоисключающие крайности: с одной стороны — неоправданное ужесточение ответственности за малозначительные

нарушения, с другой — необоснованное смягчение наказания за деяния, представляющие существенную общественную опасность. При этом проблема усложняется при квалификации действий, связанных с добычей краснокнижных видов животных.

Особую актуальность исследованию придает необходимость поиска баланса между охраной природы и традиционными формами природопользования коренных малочисленных народов, что требует особого внимания к дифференциации уголовной ответственности. Кроме того, транснациональный характер современного браконьерства, связанный с организованной преступностью и незаконным оборотом редких биологических ресурсов, ставит новые вызовы перед уголовным законодательством.

Первая проблема связана с тем, что в современной правоприменительной практике отсутствует единый подход к определению соотношения состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 258 УК РФ (в части использования служебного положения), с иными составами преступлений, в частности, предусмотренными ст. ст. 285 и 286 УК РФ.

Действующая судебная практика исходит из того, что квалифицированный вид незаконной охоты (ч. 2 ст. 258 УК РФ), связанный с использованием служебного положения, не образует совокупности с другими составами преступлений [3. С. 145]. Этот подход является универсальным и применяется ко всем формам соучастия — независимо от того, выступало ли лицо в качестве исполнителя, организатора, пособника или подстрекателя, использовавшего свои должностные возможности для совершения преступления.

Использование служебного положения возможно на любом этапе совершения деяния, содержащего признаки незаконной охоты. В процессе квалификации таких преступных действий правоприменитель обязан конкретизировать, какие именно служебные полномочия были задействованы для реализации преступного умысла [3. С. 145].

В юридической науке существует альтернативный подход, сторонники которого обосновывают необходимость квалификации незаконной охоты по совокупности со ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Данный подход аргументируется тем, что при конкуренции уголовно-правовых норм приоритет дол-

жен отдаваться норме с более строгой санкцией, что отражает законодательную оценку степени общественной опасности деяния. Как отмечают сторонники этой точки зрения, санкция ч. 1 ст. 285 УК РФ предусматривает более суровое наказание по сравнению с ч. 2 ст. 258 УК РФ, что свидетельствует о большей тяжести первого из указанных преступлений [6. С. 28].

Примечательно, что данный принцип не применяется к ст. 201 УК РФ (злоупотребление полномочиями), что создает противоречивую ситуацию. В результате аналогичные по своей природе деяния, совершенные разными категориями служащих, получают различную уголовно-правовую оценку. Кандидаты юридических наук Е. В. Герасимова и И. А. Петрова по данному поводу отмечали следующее: «Думается, что вряд ли незаконная охота, совершенная должностным лицом, всегда более общественно опасна, чем незаконная охота, совершенная лицом с использованием служебных полномочий» [1. С. 78].

Вторая проблема — сложность разграничения форм соучастия при незаконной охоте (ст. 258 УК РФ).

В случае совершения преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, несколькими лицами необходимо установить не только факт совместности их действий, но и осознание каждым соучастником того, что его индивидуальные деяния непосредственно способствуют наступлению последствий в виде крупного ущерба.

Незаконная охота признается совершенной организованной группой, если она осуществлена устойчивым объединением лиц, заранее созданным для совершения одного или ряда преступлений. Ключевым критерием, отличающим данную форму соучастия от группы лиц по предварительному сговору, выступает устойчивость. При этом уголовное законодательство не содержит четкого определения данного признака, что порождает дискуссии в доктрине уголовного права

При установлении признака устойчивости организованной группы, занимающейся незаконной охотой, следует учитывать следующие обстоятельства:

1. Постоянство состава группы — сохранение основных участников на протяжении длительного периода времени;
2. Функциональное распределение ролей с учётом индивидуальных характеристик охотников (возрастных особенностей, профессиональных умений, оснащённости

специфическим оружием, степени ориентирования на местности и других параметров).

3. Отработанная методика преступной деятельности, включающая: слаженность действий участников при охоте; наличие сложившихся правил поведения (например, закрепление трофея за непосредственным добытчиком при случайном распределении долей между остальными участниками).

4. Социальные связи между участниками, проявляющиеся в: сохранении прав на долю для временно отсутствующих членов группы; предшествующей сплоченности (совместная работа, проживание в одном населенном пункте); наличии отношений, выходящих за рамки преступной деятельности [4. С. 281].

Данные признаки в своей совокупности свидетельствуют о наличии устойчивых связей между участниками организованной группы, что является ключевым критерием для квалификации их действий.

Незаконная охота может быть квалифицирована как совершенная организованной группой даже при единичном случае ее совершения, если преступление отличается сложностью исполнения и требует значительной организационной подготовки, что характерно для продолжительных охотничьих мероприятий.

При квалификации необходимо разграничивать соучастников незаконной охоты по видам, следует иметь в виду, что в соответствии с уголовным законодательством исполнителем считается физическое лицо, которое лично, либо в соучастии с другими исполнителями полностью или частично реализовало действия, составляющие объективную сторону незаконной охоты. Пособник, напротив, не реализует действия, составляющие объективную сторону незаконной охоты, а создаёт условия для ее совершения, которые выражаются, например: в даче рекомендаций или указаний; в снабжении орудиями охоты; в предоставлении транспортных средств; участие в сбыте, хранении или приобретении добытых незаконным путем трофеев по предварительной договоренности. Такие действия квалифицируются как пособничество (ч. 5 ст. 33 УК РФ) при обязательном условии осведомленности указанных лиц о противоправном характере охоты.

Стоит отметить, уголовная ответственность за незаконную охоту исключается, если лицо не знало о нарушениях со стороны соучастников и не соглашалось

на них. Так, обучение стрельбе не является соучастием (ст. 33 УК РФ), если у обучающего не было умысла содействовать преступлению.

Существенную третью проблему представляет квалификация незаконной охоты в случаях, когда преступление осталось незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от преступника.

Уголовная ответственность за приготовление к незаконной охоте не наступает, так как это деяние не относится к тяжким или особо тяжким преступлениям. Однако если в процессе подготовки к незаконной охоте лицо приобретает, изготавливает или приспосабливает средства или орудия для совершения преступления, эти действия могут квалифицироваться по другим статьям Уголовного кодекса РФ.

Поскольку составы преступлений, указанные в пунктах «б» — «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ, сформулированы как формально-материальные, покушение невозможно, поскольку преступление признается оконченным с момента начала совершения действий, непосредственно направленных на поиск, выслеживание, преследование в целях добычи охотничьих ресурсов, а также на их добычу, первичную переработку, транспортировку. Для квалификации не требуется ни фактической добычи, ни наступления вредных последствий.

Между тем, п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ в качестве обязательного признака состава преступления предусматривает общественно опасные последствия, данный состав является материальным. Следовательно, преступление считается оконченным только при наступлении указанных последствий. Если деяние не доведено до конца по независящим от лица обстоятельствам, оно должно квалифицироваться как покушение. Однако анализ судебной практики показывает, что случаи привлечения к уголовной ответственности за покушение на незаконную охоту по п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ встречаются крайне редко. В подобных ситуациях действия обычно квалифицируются по ст. 8.37 КоАП РФ как административное правонарушение. При этом правоохранительные органы в большинстве случаев не проводят тщательного анализа субъективной стороны деяния, в частности, направленности умысла виновного лица [2. С. 118]. Малочисленность соответствующих судебных precedентов объясняется проблемами процессуального характера, возникающими при фиксации и квалифи-

кации приготовительных действий к незаконной охоте.

Умысел на причинение крупного ущерба может быть подтвержден следующими обстоятельствами:

- наличие большого количества лиц, совершающего такое деяние в соучастии;
- использование специализированного оружия с боеприпасами повышенной убойной силы, характерного именно для добычи ценных видов животных;
- сам факт целенаправленного отстрела животных, относящихся к категории особо охраняемых или представляющих значительную материальную ценность.

Четвертая проблема охватывает вопросы дифференциации составов правонарушений в сфере охоты, а именно: административных проступков по ст. 8.37 КоАП РФ (нарушение правил охоты); уголовных преступлений по ст. 258 УК РФ (незаконная охота).

Основная трудность при квалификации заключается в выработке единообразных подходов к оценке объективных и субъективных признаков деяния для их правильного правового разграничения.

Субъективный критерий выступает значимым элементом при дифференциации административных правонарушений и уголовно наказуемых деяний. В частности, осознание лицом общественной опасности своих действий должно охватывать понимание криминообразующего признака, позволяющего отграничить преступление от смежного административного деликта. Таким образом, если в момент совершения противоправного деяния лицо не осознавало его общественно опасного характера, это исключает субъективную сторону состава преступления, а следовательно, и уголовную ответственность по ст. 258 УК РФ. В таком случае деяние подлежит квалификации как административное правонарушение в соответствии со ст. 8.37 КоАП РФ.

Разграничение незаконной охоты и смежных административных правонарушений осуществляется на основании следующих объективных критериев:

- характер и степень общественной опасности, определяемые, в первую очередь, размером причиненного ущерба;
- применяемые способы, орудия и средства совершения противоправного деяния;
- специфика предмета посягательства (объекта правонарушения);

– обстановка совершения деяния, включая его территориальную локализацию.

Административным правонарушением, ответственность за которое предусмотрена ст. 8.37 КоАП РФ, признается нарушение правил охоты, то есть требований к осуществлению охоты и сохранению охотничьих ресурсов на всей территории Российской Федерации, в частности, нахождение физических лиц в охотничьих угодьях с орудиями охоты и (или) продукцией охоты, собаками охотничьих пород, ловчими птицами без соответствующего разрешения.

В правоприменительной практике основным критерием дифференциации уголовно наказуемой незаконной охоты (ст. 258 УК РФ) и административного правонарушения (ст. 8.37 КоАП РФ) чаще всего выступают фактически наступившие последствия противоправного деяния.

Пятая проблема заключается в необходимости четкого разграничения составов незаконной охоты и смежных экологических преступлений.

Н. А. Лопашенко совершенно справедливо указывает, что ни для одного другого вида преступлений проблема квалификации при конкуренции норм не является столь актуальной, как для экологических преступлений [5. С. 162].

Введение Федерального закона от 2 июля 2013 г. № 150-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», дополнившего главу 26 УК РФ ст. 258.1, создало определенные трудности в квалификации экологических преступлений. Особую сложность представляет разграничение составов преступлений при охоте на полностью запрещенные виды птиц и зверей (п. «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ) [6. С. 28].

Охота в отношении диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации и (или) охраняемым международными договорами Российской Федерации, оборот таких животных (включая их части и производные), допускаются только в исключительных случаях, предусмотренных нормами экологического законодательства (например, в целях сохранения объектов животного мира, осуществления мониторинга состояния их популяции, регулирования их численности, охраны здоровья населения, устранения угрозы для жизни человека, предохранения от массовых заболеваний сельскохозяйственных и других

домашних животных, обеспечения ведения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации), на основании разрешений (распорядительных лицензий), полученных в установленном порядке, и с соблюдением предусмотренных в них условий.

Пункт «в» ч. 1 ст. 258 УК РФ подлежит применению при незаконной добыче краснокнижных животных (включая охраняемые международными соглашениями), если эти виды не входят в Перечень особо ценных животных, установленный Постановлением Правительства РФ № 978 от 31.10.2013 для целей ст. 226.1 и 258.1 УК РФ.

Существенная проблема квалификации заключается в разграничении незаконной охоты с применением средств массового уничтожения животных (п. «б» ч. 1 ст. 258 УК РФ) и экоцида (ст. 358 УК РФ). Подобное сходство объясняется тем, что объективная сторона экоцида может выражаться в массовом уничтожении животного мира.

Разграничение между незаконной охотой и экоцидом проводится по ряду признаков:

1. Родовым объектом незаконной охоты являются общественные отношения в сфере общественной безопасности и порядка, в то время как экоцид представляет угрозу для общественных отношений, обеспечивающие мир и безопасность человечества. Это обусловлено качественно иным уровнем общественной опасности — последствия экоцида носят глобальный характер и могут привести к масштабной экологической катастрофе.

2. При незаконной охоте массовое уничтожение птиц и зверей выступает лишь способом совершения преступления. В случае экоцида подобные действия сами по себе образуют состав общественно опасного деяния.

3. Умысел лица, совершающего незаконную охоту с применением способов массового уничтожения птиц и зверей, может быть только прямым, направлен на незаконную добычу (либо уничтожение или повреждение) определенного количества диких животных, тогда как в экоциде умысел может быть только прямым и связан с уничтожением, как правило, неопре-

деленно большого количества диких животных. Между тем экоцид совокупности с экологическими преступлениями не образует.

Проведенный анализ проблем квалификации преступления, предусмотренного ст. 258 УК РФ, позволяет выделить ряд ключевых особенностей, усложняющих правоприменительную практику, в частности:

1. Отсутствие единого подхода к квалификации незаконной охоты с использованием служебного положения (ч. 2 ст. 258 УК РФ) в совокупности со ст. 285 или 286 УК РФ.

2. Сложности квалификации групповых форм незаконной охоты, требующие тщательного анализа: устойчивости связей между участниками; распределения ролей; длительности существования группы; согласованности действий.

3. Особенности квалификации неоконченного преступления. Для материального состава (п. «а» ч. 1 ст. 258 УК РФ) покушение возможно лишь при доказанности целенаправленности умысла на причинение крупного ущерба, что требует анализа обстоятельств дела (например, применение оружия повышенной мощности, охота на редкие виды). В формально-материальных составах (п. п. «б» — «г» ч. 1 ст. 258 УК РФ) преступление считается оконченным с момента начала активных действий, что исключает возможность покушения.

4. Необходимость четкого разграничения по субъективному критерию (осознание виновным общественной опасности деяния) незаконной охоты от административного правонарушения, выражающимся в нарушении правил охоты (ст. 8.37 КоАП РФ).

5. Необходимость четкого разграничения незаконной охоты и смежных экологических преступлений, предусмотренных ст. 258.1 и ст. 358 УК РФ по объективным признакам.

Таким образом, проблемы квалификации преступлений по ст. 258 УК РФ носят системный характер и обусловлены тремя взаимосвязанными факторами: сложной структурой составов, сочетающих формальные и материальные признаки; наличием множества смежных норм не только в уголовном праве; существенными проблемами в доктринальном толковании ключевых признаков.

Литература

1. Герасимова Е. В., Петров И. А. Уголовно-правовое обеспечение экологической безопасности в сфере противодействия незаконной охоте, незаконной заготовке и незаконному обороту лесных насаждений: монография. Вологда: Северо-Западный ин-т (филиал) Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2024. С. 78.
2. Забавко Р. А. Уголовная ответственность за незаконную охоту: диссертация ... кандидата юридических наук. Иркутск., 2017. С. 118.
3. Каримова Ч. Р. Проблемы квалификации незаконной охоты // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2022. № 2 (10). С. 145.
4. Котенко И. Д. Устойчивость как ключевой признак организованной группы // Бюллетень науки и практики. 2023. № 12. С. 281.
5. Лопашенко Н. А. Экологические преступления: уголовно-правовой анализ: монография. М.: Юрлитинформ, 2017. С. 162.
6. Максимов А. М. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против безопасности животного мира: дискуссионные аспекты законодательной регламентации // Российский следователь. 2014. № 18. С. 28.

References

1. Gerasimova E. V., Petrov I. A. Criminal-legal provision of environmental security in the sphere of counteraction to illegal hunting, illegal harvesting and illegal turnover of forest plantations: monograph. Vologda: North-West Institute (branch) of O. E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), 2024. С. 78.
2. Zabavko R. A. Criminal liability for illegal hunting: dissertation ... Candidate of juridical sciences. Irkutsk., 2017. С. 118.
3. Karimova Ch. R. Problems of qualification of illegal hunting // Academic notes of the Kazan Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (10). С. 145.
4. Kotenko I. D. Stability as a key feature of an organised group // Bulletin of science and practice. 2023. № 12. С. 281.
5. Lopashenko N. A. Environmental crimes: criminal and legal analysis: monograph. Moscow: YurLitinform, 2017. С. 162.
6. Maksimov A. M. Differentiation of criminal responsibility for crimes against the safety of the animal world: discussion aspects of legislative regulation // Russian investigator. 2014. № 18. С. 28.

Сведения об авторе

Петров Павел Константинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права, криминологии, доцент, НИУ «Южно-Уральский государственный университет». Председатель коллегии адвокатов НО «Коллегия Адвокатов г. Челябинска» (г. Челябинск, Российская Федерация). Электронная почта: kollegiapetrov@mail.ru

Information about the author

Petrov Pavel Konstantinovich — Associate Professor of the Department of Criminal and Penal Enforcement Law, Criminology of the National Research University 'South Ural State University', Associate Professor. Chairman of the Bar Association 'Chelyabinsk Bar Association' (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: kollegiapetrov@mail.ru

Конфликт интересов отсутствует.

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 23.05.2025

Дата рецензирования / Received: 24.05.2025

Дата принятия к опубликованию / Accepted: 27.05.2025

